

По поводу доклада о. Михаила о браке. Василий Васильевич Розанов

По поводу доклада о. Михаила о браке[1 - Озаглавлен: «Психология таинств. Таинство брака».]

Доклад о. иеромонаха Михаила о браке возбуждает фактическую критику. Прежде всего о том ли он говорит, что значится в самом заглавии доклада. Он говорит то о «плотском союзе», то о «духовном»; то о «муже», то о «жене», о детях и их рождении. Но все это даже и не начинается брака. От. Михаил говорит о каких-то Ромео и Юлиях, Гамлетах и Офелиях, говорит о романе Волохова с Верой из «Обрыва», а вовсе не о законном браке церкви, не о таинстве церкви. А между тем заглавие его доклада имеет подзаглавие: «психология таинств». Доклад от. Михаила надо просто зачеркнуть, так как он написан о любовничестве, явлении, непозволительном с точки зрения церкви, скверном с точки зрения общества и за которое слишком дорого расплатились бы все, кто, поверив похвалам о. Михаила, вздумали бы в самом деле «плодиться, множиться», без фрака, роз и «обыска предбрачного».

Если повенчанные сейчас же, из церкви выйдя, разъедутся по разным городам и никогда друг с другом до самой смерти не увидятся, то брак есть, состоялся, осуществился.

Если прочтя не от. Михаила, а Ефрема Сирина и житие Алексея Божия человека, они согласятся тут же, еще на пороге церкви, никогда плотски не касаться друг друга, то не подымутся ли они на высшую степень благочестия и, может быть, стяжут венцы царства небесного?

Истинная «психология таинств» (подзаголовок прочитанного доклада) начинается с вопроса: да как же это психологически и исторически произошло, что заголовок написан один, а в докладе говорится о другом, «о плотском блудном житии»? Зачем это плотское житие понадобилось докладчику? И ради чего, ради каких таинственных мотивов он его хвалит, хвалит мужчин, женщин, детей, рождение, называя все это «до дна чистым», когда все это — по сумме общественного и законодательного к ним отношения — просто рогожа.

Не он один, не только о. Михаил, поставив в заголовке статьи или книги титул: «Христианский брак», начинает под титулом восхвалять то, что деловым образом и законодательно церковь отвергает, если не проклинает: так поступают решительно все авторы, писавшие о «христианском браке», включительно до К. П. Победоносцева. И этот позднейший авторитет (как, впрочем, и все самые ранние) в «Курсе гражданского права», коснувшись «высоких воззрений церкви на брак», не приводит никаких и ни одной подробности из чина венчания и даже не упоминает, что он есть, а только говорит, что вот «полы — разделились», что, соединяясь, они «гармонизируются» и получается от этого «полнота сил духовных и телесных»; словом, как и от. Михаил, он тоже рассказывает о романе Веры и Марка Волохова, о Лаврецком и Лизе Калитиной, сладком и недозволительном любовничестве, а вовсе не о супружестве Лаврецкого с т-те Лаврецкой, не о «законном браке» Helène Безуховой с Пьером, где ничто и никто не «гармонизируется». Откуда же это, эта двойственность заглавия и изложения, темы и содержания? Да авторам просто нечего было бы говорить о «законном христианском супружестве», ибо в нем по «святым уставам церкви» или ничего не содержится, или содержится что-то неопределенное, или, наконец, содержится такая дрянь, о которой в серьезной книге безнравственно даже говорить.

Смотрите, как о. Налимов[2 - Как и от. Михаил, оба — молодые (не старые) профессора Спб. Духовной академии. Последний — священник.] расписал: «супруги обожают и даже обоживают друг друга: вот — центр дела, сущность таинства; право его на признание и наше благоговение». Протираем глаза и спрашиваем себя: «где это? между Налем и Дамаянти? Одиссеем и Пенелопой? Игорем и Ярославною?» Но все то — язычники, даже и не подозревавшие, что некогда наступит такое благополучие, что их «взаимную любовь» запишут в метрические книги, а перед соединением сердец будут предварительно «обыскивать» (предбрачный обыск). Победоносцеву, о. Налимову и о. Михаилу и предлежало говорить, как о составных частях «христианского брака», единственно об этом «обыске» и его процедуре и затем просто перепечатывать из Требника «чин обручения и венчания», а из «Кормчей книги» перепечатывать же о «Степенях родства и свойства, как препятствия к браку». Ибо ничего ровно, кроме этого одного, в «христианском» супружестве не содержится.

Любви в нем нет, и она не требуется.

Детей в нем нет же, и они лишь риторически упоминаются: бездетный брак столь же доблестен, как и с детьми, ни в чем перед ним не малится, не скорбит, не упрекается; и вообще этого вопроса просто не существует для церкви или он существует меньше, нежели вопрос о том, а не случилось ли когда-нибудь невесте и жениху быть восприемниками младенца от купели, не состоят ли между собою в супружестве их дяди и тетки, их братья и сестры, и т. п. вопросы, напоминающие направлением и тоном скорее сплетни и сплетничанье, чем закон и серьезное отношение.

Да и самого супружества, как соединения плоти и крови, тоже нет в «христианском браке»: на чем ведь и были основаны, «законно» основаны все так называемые фиктивные браки наших нигилистов в 60-х годах. Повенчались — разъехались. — Был брак? Церковь отвечает: «Был!» Не думайте: не так это невинно. «Фиктивные» супруги 60-х годов, жаловались благочестивые люди, «оскорбили» церковь. Но ведь чем? Тем, что они не «уважили» венчания, взяли его как попутную и им нравственно ненужную вещь. Хотя как же им было и не взять его, когда законом же установлено и церковь учит, что в нем единственно заключается брак. Так они оценили сокровище. «Сокровище» и взяли; а потом... не то чтобы бросили как ненужное, а вовсе о нем забыли, потому что действительно для любви, детей и деторождения непонятно, какое имеет значение это «сокровище». Но, сказал я, дело это не так невинно: мир, со своей стороны, никак не может и не должен «оскорбляться», если сама церковь не то чтобы не обращает большого внимания, а просто никак не смотрит на те необозримые многочисленные случаи, когда брак тоже фиктивен, но уважение к венчанию было соблюдено, напр., если 1) жена жалуется, что муж, повенчавшись с нею, затем через три года бросил ее; или 2) когда муж жалуется, что жена поступила с ним таким же образом. Церковь в таких случаях спрашивает: «да ведь венчание-то было?» — «Было» — «Ну что же, вы состоите в браке; а что муж жену оставил, то ведь может он оставил ее для молитвы и поста: это не возбраняется и даже похвально». Равно «жена могла оставить мужа для молитвенного подвига: как доказать, что нет? Доказательств нет, и муж (или жена) должны смириться».

Фиктивные браки всегда были в церкви. Но до 60-х годов — для «скорби» мира, людей, населения; но вот с 60-х годов пошли они «для удовольствия» мира; а этого церковь не переносит, и она поднялась собственно против приятного миру «потворства плоти», того самого

догодого любовничества, которое похваляют о. Михаил, о. Налимов и Победоносцев, а вовсе не поднялась против самой фиктивности, как некоей пустоты и бессодержательности, которая в браке не только ею не порицалась, но всегда похвалялась.

Чтобы не отвлекаться в рассуждения, приведу факт, который даст нам осязательный материал для анализа: на странице 375 «Истории обер-прокуроров Св. Синода» проф. Благовидова рассказан следующий случай. «Во всеподданнейшем докладе от 10 декабря 1827 года обер-прокурор Мещерский сообщил Государю, что городской секретарь Повало-Швейковский испрашивает высочайшей милости — утвердить его брак с дочерью помещика Ефросиньей Ваулиной, так как Синод, расторгнув данный брак по причине родства незаконных супругов, поставил в самое несчастное положение пятерых детей, прижитых от неосмотрительно заключенного брака. Николай Павлович, под влиянием Мещерского, по-видимому, нашел возможным удовлетворить просьбу Повало-Швейковского и написал на обер-прокурорском докладе: «Брак расторгать, когда он дозволен был духовным начальством, я не признаю ни справедливым, ни удобным». Но по докладу[3 - Здесь ужасно важно, что основные канонические книги, которые апокрифичны и в богословской науке, могут — это официально утверждено и открыто об этом учиться — печатать для практического в суде и канцеляриях употребления без означения на заглавном листе, что это — апокрифы. Напр., «Апостольские правила» суть приписываемые апостолам и переданные через св. Климента, но неизвестного происхождения и суть бесспорно не апостольские. Или «Апостольские постановления» (какое заглавие!) — просто арианский сборник вымышленных полемических рассуждений, едва дозволяемый к переводу и печатанию. Но достаточно было императору Николаю показать, напр., «Апостольские постановления», чтобы он, пораженный тяжеловесностью книги (почти Евангелие!), смутился и взял назад доброе свое решение.] митрополита Серафима Государь вынужден был взять назад свой добрый порыв, и брак был расторгнут. Дети лишились отца и матери, переименованы в «незаконнорожденные», потеряли права на фамилию и наследство отца, а мать их превращена вновь в девицу Ваулину с предложением выехать из дома мужа и вернуться к не весьма утешенным родителям, может быть, таким казусом сведя их и в могилу.

Теперь я прошу быть слушателей внимательными. Родство и свойство как препятствия к браку взяты все из языческого римского законодательства. В Евангелии о родстве и свойстве как препятствиях к браку не упоминается вовсе; в Библии, во «Второзаконии», дозволен брак двоюродных и брак дяди и племянницы. И вообще там вовсе не те степени родства указаны препятствиями к браку, как у нас.

Библия есть книга боговдохновенная.

Языческое римское право есть нечто языческое. Тут выбрано языческое, языческие о браке законы, и вовсе отвергнуты боговдохновенные. Отвергнуты — и даже не справляясь с Библией.

Но всякий знает, что решительно у всех народов нормы брака суть часть религиозного культа, и, взятые из Рима, они взяты, так сказать, прямо из-под насадки Венеры, как ее тепленькие яички, и вкачены в церковь. Одно из этих тепленьких яичек Венеры и ударило в голову ровно пятерых христианских детей.

Вот полный очерк дела, о котором о. Михаилу нужно составить новый доклад.

В случае Повало-Швейковского мы наблюдаем:

- 1) супружество есть, но брака нет, или он есть преступление;
- 2) любовь есть, но брак осужден;
- 3) дети есть, но признаны плодом блуда;
- 4) верность была, но объявлена ненужною. Назавтра после расторжения пусть «девица Ваулина» выйдет за кого угодно, а холостяк Повало-Швейковский женится тоже на первой встречной девице, без всякой памяти о пятерых рожденных ими детях. Этим последним на кухню, что ли, сослать? В прорубь? В воспитательный дом?

Если бы учением церковным о браке было то интересное, милое и содержательное, что мы выслушали в докладе о. Михаила; если бы к этому она клонила ухо свое: то очевидно, что все ее административное и законодательное отношение к нему было бы иное, другое. Она была бы чутка к семье, а не к венчанию; требовательна к семье же, к течению жизни в семье; тогда бы она или ее представители, священники, трепеща за состояние семьи в стране, в народе, не только следили бы неусыпно: а как-то поживает на самом деле каждая пара? не ссорятся ли? не изменяют ли? почему ссорятся и изменяют? кто с кем и при каких условиях? в каких сочетаниях (возраст, родство, племя) это бывает реже и в каких чаще? Да и не одно это: священники, канонисты, епископы (в последней инстанции они блюдут брак) сиднем сидели бы в театре, следя за отражением семейных нравов на сцене, читали бы повести, рассказы, а особенно всякие «корреспонденции» с описанием бывающих случаев фактической семейной жизни; равно посещали бы толпами суды, где вдруг вскрывается вся подноготная семьи, ее нередко кровавый ужас. И с этою чуткостью следя за Марками и Верами, Калитиными и Лаврецкими, Юлиями и Ромео, — о чем нам якобы с любовью, но, конечно, притворно заговорил о. Михаил, — следя за этим не век, но уже тысячелетия и даже два тысячелетия, церковь имела бы материал построить такой «Кельнский собор» (узор, великолепие, сложность) законов о браке, перед которым народы и человечество склонились бы с изумлением: «Вот небесная мудрость, сведенная на землю. Отцы! священники! святые!...»

Если бы боль семьи, а не ошибки в совершении ритуала язвили душу церкви, какою нежностью обвила бы она болящие семьи! «Драгоценное растение — хворает! Родной сад — побит морозом, градом, червем!» Но ей-ей: червь, павший на яблоки в саду батюшки, куда интереснее ему, чем червь, павший на благословение Божие, мужа и жену. Не любят ли они? Ответит: «Любите». — Несчастны? — «Потерпите». Если бы, говорю я, хоть один священник, не говорю сонмы их, с авторитетом сонмов, припал ухом к соседнему дому и слушал через щель в стене его, со скорбью и мукой, что делается за стеною, и поведал бы об этом миру, «церкви», и раскричался бы, и расплакался бы на улице, как они плачутся и кричат на улицах, что Толстой их обидел в заграничном издании «Воскресенья» — то к ногам их припал бы мир, а сами бы они с невероятной живостью (ну как миссионеры — реагируя на «ересь») нашли бы средства исцеления для каждой боли и всех болей. Все обратно сейчас. До семьи — нет дела. Все дело — в венчании. «Поцеловали ли руку пресвитера

церковного»? — «Да»... «Тогда все кончено, сделано». — Не целовали? — А, тогда — не началось ничего; нет брака, нет семьи, таинства не было, а есть блуд один; и если от него есть дети — то это дети блуда, которых родители не вправе никогда назвать своими детьми».

Все неудачные и ссорящиеся семьи церковь, при таком повороте внимания, стала бы сама, по своему призванию, позыву расторгать, да еще и непременно с насилием, как она расторгает с насилием все «незаконные браки». Но она этого не делает и даже совершенно наоборот: счастливые браки, но незаконные она расторгает; несчастные, но законные — ни в каком случае не расторгает. И даже когда супруги до крови доходят, она и тогда не допускает супругам расходиться.

Рассмотрим подробнее это «сокровище», малейшим невниманием к которому так оскорбляется церковь, а по ее инспирации — оскорбляется же им и даже наказует за такое оскорбление и государство. В данном случае, в области брака, церковь всегда имела «два меча и две короны» — духовную и светскую, ей строго повиновавшуюся. Бог сотворил Адама и Еву, плоти их, страсти их; великолепное Адамово восклицание при воззрении на красоту Евы, и в Еве: «к мужу — влечение». Но как это — Божие творение, то церковь, не будучи его автором — и равнодушна к нему. Она — автор обряда и «условий вступления в брак»: и вот к этому своему сочинению уже ревнива, как поэт к стихам своим и прозаик к прозе. Тут она ни единому частному человеку и ни всему государству не позволит переложить слова, строчки, жеста: до того все священно. Итак, если две вещи: сотворенная Богом в комплексе муже-женских особенностей и влечений, анатомии и физиологии, и их ответа — психики: до нее Церкви дела нет. Старички, юноши, с любовью и без любви, однолетки и разнолетки, с приданным и без приданого — она всех и с совершенно равным чувством повенчивает. «Стерпится — слюбится». Хотя замечательно, что во всех бесчисленных словах Писания о браке ни одного нет слова о том, что «брак дан человеку для долготерпения». Такого текста нет. Итак, на золотую вещь божеского сотворения церковь, по-видимому, положила, выковав в III—IV веке, золотой же оклад великолепного обряда. Икона, казалось бы, священна не по существу оклада, в который вставлена, а уж скорее оклад ценится по существу иконы. Божия вещь — это материал брака, материя его, отмеченная и определенная в «священной» истории изумительными, вечными, незабываемыми словами. В брак сотворены были люди, и для совершения его сотворены «мужиной и женщиной», «мужем и женою»! Кажется бы, икона, с такою-то подписью! с такой историей, записанной в творении мироздания! Но вот случилось, случается иконе быть вынутаю из «оклада церковного»: она говорит о вынутом — «блуд! проклято!» Вставлено опять в киот: «теперь — свято». Позвольте, да если икона и киот соответствуют, если это — доброе в добром, к Божью доброму сотворению церковь прибавила свое художественное доброе изобретение, то они прекрасны оба, и вместе, и порознь; хорошо — когда соединены, но прекрасно же и тогда, когда не соединены. Церковь разбивает икону (фактический брак, натуральный брак) всякий раз, когда она не в киоте. Что же это за жесты? психика? что за метафизика? Ибо таковое отношение не единичного ума, а сонма голов, думавших, писавших, законодательствовавших, доселе управляющих, — это, конечно, не lapsus linguae[4 - обмолвка, оговорка (лат.)], а какая-то целая метафизика.

Нужно было Божью вещь объявить худою, чтобы поднялась до абсолютной, непостижимой ценности оправа, в которую она вкладывается. У евреев, которые не только национально имеют все слова Божии о браке, но и самый брак имеют в несравненной с нами теплоте, нежности, прочности и глубине, «венчание» есть же, но обряд его (по академику Хвольсону, христианину и в то же время урожденному еврею, знаменитому гебраисту) не только не есть «таинство», но его может совершить и не раввин, а всякий частный человек, друг, знакомый, сосед. Там это просто легкое голубое покрывало, положенное на голубую вещь Божьего сотворения; красивее так — и люди делают. Обряд — наряд. В радостную минуту, в минуту столь важную — лучше выйти в голубом, длинном, древнем одеянии. Но существо, конечно, в одетом человеке, в этих потомках Адама и Евы, и наследниках всех обетований, им от Бога данных. Так это и есть, и иначе и не могла возникнуть в каком-то абсолютном значении «одежда новобрачных», не будь сведены до «долу», до низу, до полного ничто они сами, брачующиеся, и с ними все, до них побрачившиеся, вплоть даже до Адама и Евы, первой супружеской четы. Без проклятия брака — ничтожно венчание, прикладная вещь; едва нужное, в сущности — не нужное. А если он проклят? А тогда все благословение брака, сущность его, сила его, надобность в нем — будет перенесена на венчание. Вот происхождение последнего, т. е. в силе его, могуществе. Позвольте, за это заплатили кровью уже сотни, тысячи, даже миллионы (в истории) детей и переделывать этого сейчас нельзя; все значение венчания проистекает из мысленной, сердечной, моральной и догматической проклятости самого брака, в натуралистических его чертах, как сотворенной Богом вещи. Она — гадка, а переделывание ее из гадкого в годное и происходит через венчание. Привешивается золотая плomba к омерзительной рогоже. Рогожа сама по себе (супружество, дети) не только не имеет какой-нибудь цены, но стоит в ценности ниже нуля («блуд», «прелюбодейные дети», обычно убиваемые); но прочным, неразрываемым шнурком к ней привешивается золотая плomba с надписью: «Подо мною значащееся — вещь невероятной цены; а свидетельствую об этом я, страж небесных дел». Теперь вдруг рогожа становится невероятно драгоценна, дети — святы, сожитие — свято же; все — нерасторжимо. Хотя бы никакого содержания в «сожитии» их не было, кроме интереса мужа к приданому жены и жены — к физиологическим силам мужа, т. е. рогожа и правда в данном исключительном случае была бы действительно грязна.

Доклад о. Михаила неверен не только в том, что у него — заглавие одно, а содержание другое (любовничество, как, впрочем, и в речах не только о. Нагимова, но и проф. П. И. Лепорского, проф. С. А. Соллертинского, да и всех участников собрания, кроме одного М. А. Новоселова, который откровенно брак — прокликает, а венчание — требует); но он неверен и в том отношении, что утверждает, будто «брак (любовничество) весь до дна чист»; что противоречит диаметрально учению церкви, которая учит, что все брачное, от любви до супружеского соединения и самого рождения детей и, наконец, сами дети, есть скверна вне церковного освящения, без церковного освящения, до церковного освящения. О. Михаил — профессор канонического права в С.-Петербургской Духовной Академии, неужели же он забыл, что только при императоре Александре III было разрешено супругам, вступившим в брак, усыновлять детей, ими до брака рожденных? Нет, засыпать землицей детскую кровь, «чтобы не видно было», вам никто не позволит. 900 лет, без малейшего протеста хотя бы единого священника и монаха, положим, из 6 детей таких-то родителей, старшее, еще до венчания рожденное, так и не могло сказать прочим: «Братец», «сестрица»; и родители, сколько они ни плакались об отъединении этого шестого от пятерых, церковь их плачем не тронулась и государство не пощадило. О, как трудно говорить: да что ему, государству, за дело до чрева жены моей, до моих чресел? Но государство чувствовало себя твердым, повинуюсь «святым уставам церкви», которая всегда учила, что вне ее «благословения», а в сущности — позволения (в монастырях, когда послушник просится у игумена выйти, тот его «благословляет выйти»; архиерей священника «благословляет сказать слово», и, словом, мягкое церковное «благословение» всегда равняется и означает просто суровое: «позволяю», не «позволяю»), сожитие есть блуд и дети суть «приблудные», нечисть и скверна, которую нельзя поставить в счет человеческий. Разве бы можно было точно людей, человеческих младенцев убить тысячи, сотни тысяч, не ужаснувшись?! Но ужаса никто, кроме матерей — исполнительниц казни, не чувствовал; т. е. для государства и церкви они были как бы слепыми щенятами, «без света Христова на них».

Анализируем привеску пломбы, состав «киота».

Сходит, через посредство священника, благодать на «сочетающихся» и невидимо (еще бы видимо!) «сочетавает» их в «плоть единую»; после чего оба и становятся: он — не холостым, а «женатым», она — не девицею, а «замужнею». На этом и основаны были фиктивные браки: что, куда бы они ни разъезжались, он «уже женат», а она «замужняя». Напротив, родившая детей без венчания — все «девица», ибо ни с кем не «сочетавалась» через «благодать». Весь позор девиц с ребятами от этого и происходит: не считали бы их «девицами»; как же бы они стыдились истины своего положения? Но вот существует и применяется закон и дозволение, что в тех редких случаях, когда жениху невозможно лично присутствовать при «бракосочетании», по болезни, а еще чаще по невозможности приезда, — а между тем заключение брака (например, по политическим соображениям) очень нужно, и притом нужно безотлагательно, то церковью разрешается жениху послать заместителя себя: этот заместитель и становится с невестой под венец... На кого же тогда сходит благодать? На заместителя? Но тогда он бы и «сочетавался» с невестой, делался мужем ее, что церковь отвергает. Нет, невеста становится женою того отсутствующего жениха; но ведь благодать, очевидно же, туда, например в Англию или Францию, не перешла? Она творилась, низводилась здесь, в этот час, в этом месте храма и этим священником. Все «этим», «это» — и никак это не могло относиться к «тому», в Англии. А если бы предположить, что благодать туда, в Англию, перенеслась, то для чего тогда и заместитель, зачем непременно его здесь присутствие, очевидно, можно бы венчать разножизнующих молодых людей, как папа посылает «паллиум» (шерстяную ленту) посвященным в епископский сан без личного явления кандидатов в Рим. Да и, наконец, если «заместитель» возможен в таинстве, то отчего очень болящего или слабого младенца не «заместить» бы здоровым? Отчего не «отпускать» грехи на исповеди, услышав передачу их от друга грешного? Отчего?.. Да явно — все это было бы чудовищным, кощунственным, а в венчании оттого это не кажется таковым, что никакой «благодати» здесь церковь не предполагает сходящую на людей, ничего сакраментального тут не происходит, а есть это просто обряд, наряд; но не хороший, положенный на хорошее, а хороший, положенный на дурное, святое — на грешное, не только в соответствии ему, а в полнью, с ним противоположности!!!

Да так об этом церковь и учит: о переделке (через венчание) черной вещи в белую.

Проклят брак; трижды священно венчание!

А если бы брак благословен был? — то венчания даже и не возникло бы; или оно осталось бы без значения (пломба около дорогого сукна, киота около иконы).

Вот история и метафизика возникновения венчания.

Не возникло бы его иначе как наряда, одеяния, красоты, эстетики; без всякого сакраментального значения и, конечно, без юридического обязательства; без всякого интереса к нему государства, хотя, может быть, с большою любовью к нему общества и единичных людей. Тут в эту радостную минуту все делается для красоты, красиво. Но это — художество, а не «таинство» и не «закон».

Но действует ли, хотя бы просто как сила доброжелательности, «сочетающее благословение пресвитеров»? Увы, картина разводов, именно у нас, православных, и у католиков столь сильная (сильнейшая, чем у протестантов, у которых нет «таинства брака», и чем у евреев, где венчание только обряд), показывает, что в венчании содержится скорей какая-то отрицательно-разрушительная сила, темно-скрытая, и она тем действеннее, чем подходят к ней с большей верой в фетишизм ее. Самые холодные браки (признано) — у духовенства, очень скверны они — в крестьянстве, у купцов (грубы, жестоки, частые свары). Я наблюдал — довольно теплы у учителей, у чиновников, которые относятся к венчанию «так себе». И необыкновенно теплы, почти как у «жидов», — у любящих студентов и студенток, вообще «интеллигентных молодых людей», которые любят, женятся, плодятся, приданого не берут; и, увы, на венчание смотрят так же, как духовенство на семью: как на фикцию тяжелую, но неизбежную. Где этого родник? В вечной противоположности Бога и кумира; «кумир» обряда занял место Бога; киот — образа; да и еще как занял, кем вмещен туда? Именно он занял по закону и вследствие противоположности, с ненавистью к подлиннику, к вещи, якобы греховной, как святое. Жилец убил хозяина и поселился на его месте: недоброе обитание!

Вот вблизи-то к этому «обитанию» все и рушится в фактической христианской семье. «Психология таинства» — неожиданная, вероятно, для о. Михаила.

«Греховный союз мужа и жены» сотворен Богом в раю, до грехопадения и вне расчета на грехопадение, которое было актом свободной воли человека. Разумеется, он никогда не был греховен, всегда был голубая вещь, золотой предмет; но допустить это — значит пресвитерству уйти назад из «Каны Галилейской», собрать диптихи и метрики, отложить в сторону бронзовые венцы, а войти, по образцу Спасителя, дорогим и милым гостем (но только гостем) на свадебные пиршества, за свадебный стол и просидеть просто за белую его скатертью до поздней ночи, разделяя веселье людей и преображая присутствием своим его из легкомысленного в сладкоумительное.

Теперь же введены такие ужасы, как 1) расторжение счастливых браков и 2) преступное признание «не браками», не «таинством» преблагополучных семей, которые без венчания вступили и так в супружество. Как профессор канонического права, как ученый о. Михаил очень хорошо знает, что все такие натуральные семьи суть самые незаконнейшие браки и полное таинство «во образ союза Христа с церковью», раз что они живут: 1) мирно; 2) целомудренно; 3) чадолюбиво. Но это секрет, просто секрет науки канонического права, хранится в глубокой тайне, в совершенном укрывательстве; отнюдь не разглашается, что обязательность венчания для подлинности брака не была требованием церкви за весь период вселенских соборов и вообще всего определения догматов, а просто явилась по эдикту императора Льва VI Мудрого, заключившего договор с нашим князем Олегом, и еще позднее, в XI веке, одного из Комненов, кажется, императора Алексея. Цари эти были простые и в них не больше канонического значения, чем в Бове-Королевиче.

Чтобы объявить столь нужным «благословение пресвитера», ведь надо было уничтожить, свести на «нет» или, пожалуй, объявить «недействительным» благословение первой четы Богом. Послушайте, для чего мне благословение отца Иоанна, если я имею Божие?

Могли бы вспомнить, что пророк Нафан даже Давида и Вирсавию не разлучил, не расторг их брака, ибо хотя и преступны были его мотивы и все было грешно и страшно перед ним (сочетанием) до самого порога дела, — однако уже потом «яже Бог сочета — человек да не разлучает». Но Библия забыта. Не только пример Давида и Вирсавии не был выполнен для спасения христианских семей и, напр., христианской семьи Повало-Швейковского, но и она сама губилась на основании Венеры Римской. А что Библия была забыта не только в 1827 году, но и в первые времена христианства не читалась иначе, как известное лицо у Гоголя читает алгебру, это можно видеть из того, что при вопросе: «Ну а как же устроить и расположить христианскую семью?» — полезли под хитон к Венере, просто-напросто забыв, что об этом уже говорит Бог через Библию. А так как забыть этого невозможно, ибо Библия все-таки почитывается, то не поверили ей, как и Петрушка не верит, конечно, алгебре.

Все это о. Михаил должен в предстоящей ему обширной деятельности, как преподавателя, довести до сведения мира, скорбного, униженного и, позволю себе сказать, обкраденного от самого для него великого и нужного таинства, притом единственного, ему непосредственно данного.

Тема брака слишком сложна, чтобы ее исчерпать. Ограничусь наброском следующих недоумений, которые томят меня:

1. Отчего брак стоит в церкви каким-то одиноким таинством? К нему нет подступов, полутеней ни в музыке церковной, ни в живописи. Возьмите таинство покаяния: там ведь звуками покаянными проникнуто множество церковных напевов, картинами покаяния, житиями покаявшихся людей церковь полна и в преданиях, и в иконах. Брак как «дикое мясо» на организме: выньте его из церкви, — и вам для этого не придется разрывать риз церковных. Попробуйте затронуть покаяние — и вы расстроите весь план церкви.
2. Кана Галилейская едва ли не принимается «всуе» в учении о браке. Иисус посещал мытарей, т. е. сборщиков податей, но окладные и неокладные сборы и все министерство финансов не вверены от этого пресвитерам. Он чудесно накормил пятью хлебами пять тысяч народа; но хлебопекарни не объявлены во власти церкви. Чудесный улов рыбы не создает прав церкви на Каспийские рыбные промыслы. Явно, что богословы, ссылаясь на Кану Галилейскую, употребляют чистый софизм.

Примечания

1 Озаглавлен: «Психология таинств. Таинство брака».

2 Как и от. Михаил, оба — молодые (не старые) профессора Спб. Духовной академии. Последний — священник.

3 Здесь ужасно важно, что основные канонические книги, которые апокрифичны и в богословской науке, могут — это официально утверждено и открыто об этом учится — печатать для практического в суде и канцеляриях употребления без означения на заглавном листе, что это — апокрифы. Напр., «Апостольские правила» суть приписываемые апостолам и переданные через св. Климента, но неизвестного происхождения и суть бесспорно не апостольские. Или «Апостольские постановления» (какое заглавие!) — просто арианский сборник вымышленных полемических рассуждений, едва дозволяемый к переводу и печатанию. Но достаточно было императору Николаю показать, напр., «Апостольские постановления», чтобы он, пораженный тяжеловесностью книги (почти Евангелие!), смутился и взял назад доброе свое решение.

4 обмолвка, оговорка (лат.).